

*Посвящается Юле Холодковой,
у которой Айрунги Журавлиный Крик
обучался основам алхимии,
а также моему сыну Андрею,
который недолгое время был военным советником
при дворе Нуртора Черной Скалы*

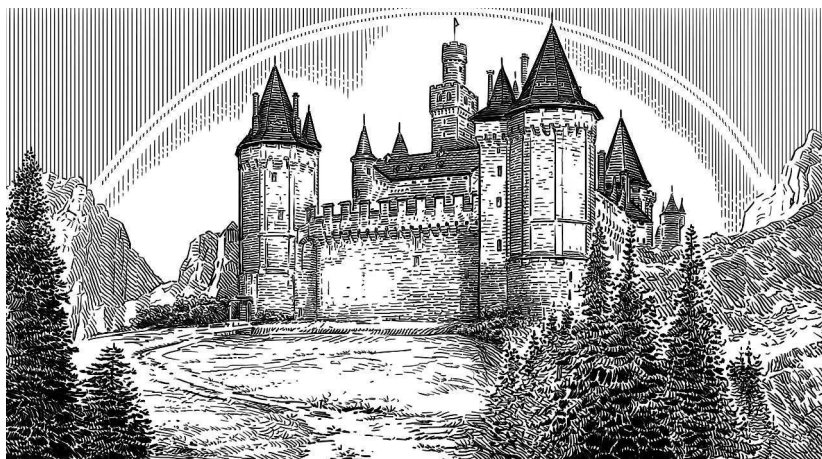
(290 год Железных Времен)

«Из всех преступлений, которые знает Великий Грайан, самыми мерзостными, тяжкими и непростительными закон называет государственную измену и самовольное причисление себя к Детям Клана. Преступник, чья вина доказана, должен быть либо заживо сварен в котле с кипящей водой, либо брошен в яму с голодными псами. Тело казненного не передается честному погребальному костру».

Кодекс законов Великого Грайана, свиток третий.

*Составил Санфир Ясная Память
из Клана Лебеда, Ветвь Белого Пера.
11-й год от начала Железных Времен*

1

Животные более чутки к опасности, чем люди. Человека может обмануть покой жаркого солнечного дня, полного запаха разогретой на солнце сосновой коры и хвои. Человека может заморозить ровное гудение ветра в вершинах сосен. Человеку может отвести глаза картина безобидного песчаного обрыва, изрытого небольшими пещерками и прошитого наверху корнями сосен.

Но зверя не проведешь. И пусть широкая полоса влажного песка призывно стелется к реке от подножия обрыва — на полосе этой, просто созданной для водопоя, нет ни одного отпечатка копыта, ни одного следа волчьей или рысьей лапы.

И не потому, что острый нюх лесных жителей уловил бы запах впитавшейся в песок крови. Жизнь леса полна мелких трагедий, все время кто-нибудь гибнет, чтобы жили другие. Нет, не поэтому разбежалось прочь зверье из приречной полосы. И не потому птицы не влетают свои голоса в песню сосновых ветвей. И не потому смолкли, затаились кузнечики — хотя им-то, крохотным, чего бояться?

Хранитель пограничной крепости

Лес замер, замкнулся, ощутив присутствие чего-то опасного и очень чужого, что по-хозяйски расположилось неподалеку от берега. Не просто смерть поджидала здесь добычу — смерть незнакомая, непонятная, появившаяся неизвестно откуда и от этого вдвойне страшная.

Над обрывом незримой волчицей уселась тревога, подняла к небу острую морду, надрывно завывала.

Но не всем людям дано слышать этот беззвучный вой. Поэтому двое из троих спутников, бредущих по песчаной полосе вдоль воды, испытывали лишь усталость и раздражение.

Но идущий впереди коренастый бородач со шрамом на лбу держался более настороженно, чем его спутники. Бородачу довелось крепко хлебнуть лесной жизни, жизни затравленного зверя, это сделало его более восприимчивым к неслышному голосу близкой беды. И теперь он хмуро озирался по сторонам, сам не понимая, что именно не дает ему покоя.

— Места тут... нехорошие... — осторожно сказал он наконец. — Недобрые места... Чего-то здесь не хватает...

— Здесь что-то лишнее, — уныло поправил его идущий следом парень с густыми каштановыми волосами. — Мы здесь лишние... Нет, правда, Коряга, чего мы здесь таскаемся, муравья в густой траве отлавливаем? Может, махнуть в Анмир, а? По кабакам пошляемся, послушаем, что там люди болтают... Вдруг да повезет — что-нибудь узнаем!

— Не лезь в шибко умные, Орешек! — прикрикнул на него бородач. — В Анмир Матерый тоже людей отправил, а наше дело — здешние места проверить. А места здесь скверные. Пусто, тревожно... белок — и тех нет.

— И хорошо, что нет, — вздохнул Орешек. — А то бы они передохли со смеху, на нас глядя. Топаем как дураки, сами не зная куда, отдохнуть и то не присядем.

— Ладно, привал, — неохотно кивнул бородач и уселся под песчаным обрывом. Орешек с наслаждением плюхнулся рядом.

Глава 1

Третий путник — темный, мрачный, жилистый — опустился на песок с видом человека, которому все равно, отдыхать или идти дальше. Он обхватил колени руками и устремил взгляд на противоположный берег, глубоко уйдя в какую-то безрадостную думу.

Орешек с ленивым интересом сощурил глаза на серую гладь воды.

— И с чего такую смирную реку назвали Бешеной?

— А ты бы на нее ниже по течению посмотрел, за Анмиром, — снисходительно объяснил Коряга. — Она от притоков силы набирается, а русло там узкое, каменное. Вот река и скачет...

— А что это мы все берегом да берегом плетемся? Может, эти душегубы где-нибудь в чаще лагерем стоят?

— Сразу видно, что ты в городе рос... В лесу любая тварь к воде тянется. Проверим для начала речные берега.

— Ясно... А что мы с ними делать будем, с душегубами, когда отыщем?

— Постараемся, чтобы они с нами ничего не сделали. Ты видел, во что они превращают трупы тех, кто к ним в руки попадает? Топорами, гады, работают! Правильно, что Матерый не хочет таких соседей под боком терпеть.

— Да откуда они взялись? Беглые рабы?

— Вряд ли, — низким, хриплым голосом вступил в разговор третий путник. Коряга и Орешек тут же замолчали и уважительно к нему обернулись. — Я видел тела жертв. Действовала не только невероятно сильная, но и очень умелая, точная рука. Рабу так не наловчиться, разве что лесорубу на лесосеке. Впрочем, тут есть загадки и посложнее...

Мрачный человек замолчал, внезапно утратив интерес к разговору. Его собеседники почтительно ожидали продолжения, затем самый молодой из них не выдержал:

— Какие загадки, Аунк?

Аунк, оторвавшись от своих мыслей, поднял на него ледяные серые глаза.

Хранитель пограничной крепости

— Ну, например: зачем убийцам крошить тело человека, который убит с первого удара? А я ручаюсь, что с первого...

Ручательство было принято с полным доверием: Аунк знал о колющем и рубящем оружии решительно все и немножко сверх того.

— Это что же, — потрясенно спросил Коряга, — они так озверели, что рассудок потеряли и по мертвецу топорами молотили?

— Не похоже, — покачал головой Аунк. — Удары точные, расчетливые. Кто-то разделявал тело, как мясник — свиную тушу. — Аунк на миг замялся. — Да, мне показалось, что кто-то разрубал мясо для еды. Тем более что некоторых кусков не хватало.

Орешка замутило, а Коряга непонимающе спросил:

— Это зверь, что ли?

— Вот именно, медведь с топором! — насмешливо отозвался Аунк.

Никому другому Коряга не простил бы издевки. Но с Аунком опасался спорить даже Матерый, свирепый главарь разбойничьей шайки. Поэтому Коряга позволил себе лишь злой выпад, спрятанный под завесой почтительности:

— Ну, какое бы там ни было страшилище, тебе бояться нечего. Тебе ведь еще долго жить, аж два месяца, сам говорил...

— Семьдесят четыре дня, — невозмутимо поправил его Аунк.

— А тошно небось знать, когда помрешь! — с притворным сочувствием вздохнул Коряга, стараясь побольнее уколоть противника.

Но он имел дело с опытным фехтовальщиком. Аунк и бровью не повел.

— Нет, почему же? — спокойно отпарировал он. — Помому, куда хуже не знать дня своей смерти. Бродишь себе по земле, посапываешь в две дырки... а может, тебе не суждено дожить до завтрашнего утра.

— Хватит расслаживаться! — обиделся Коряга. — А ну вставайте оба, пошли дальше!

Хранитель пограничной крепости

И поднялся первым, отряхивая с одежды песок.

Тут-то и оборвалась туго натянутая ниточка злого ожидания, тут-то и показала себя недобрая чужая сила, в страхе перед которой замер лес.

В одной из вырытых в обрыве пещерок коротко прошуршал песок, из отверстия прыгнуло что-то длинное, гибкое, упруго и резко взметнулось над жертвой, с тупым хряском обрушилось наискось вниз...

Тело Коряги беспомощно осело, заливая песок сильной струей крови. Отрубленная бородатая голова покатилась к воде.

Аунк и Орешек вскочили, выхватили мечи одинаковым движением — точным, быстрым, красивым. Два человека, такие разные, стали вдруг похожи: та же боевая стойка, тот же зоркий взгляд без тени страха...

Из пещерки высовывалась, как сначала показалось людям, змея с непропорционально большой головой. На голове серо тускнел острый гребень, который сбегал с затылка на лоб и выдавался вперед и вниз длинным клином. Вокруг гребня поблескивали маленькие глазки — издали было и не сосчитать, сколько их.

Чудище подалось вперед, и стало ясно, что это не змея, а тварь с невероятно длинной — локтя в три — и очень гибкой шеей. За шеей на свет показалось длинное членистое тело на четырех парах лап.

Гигантская грязно-бурая «гусеница» соскользнула вниз головой по склону на песок и застыла, не понимая, почему жертва не бросается наутек. Тварь любила догонять и бить в спину.

На этот раз никто не собирался доставлять ей такое удовольствие.

— Какой гребень-то острый! — хладнокровно сказал Аунк, словно разглядывая чудовище сквозь решетку клетки. — Вот это и есть топор, который мы искали.

— Вижу, — отозвался Орешек, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Поздравляю с находочкой, можешь взять ее себе. Там еще две выглядывают...

Глава 1

— Где?.. А, вижу! Молодец, ученик! И четвертая высовываетсяся...

Сердито фыркнув, первая «гусеница» ринулась в бой. Остальные уже спешили ей на помощь.

— Та, что ближе, — моя! — бросил Аунк и встретил метнувшееся к нему лезвие гребня точным, аккуратным выпадом. Меч встретился с шеей, но не обрубил ее. Гибкая «змея» лишь прогнулась, крутанула головой, огибая клинок, и вновь взмыла для удара.

— На шее — прочная чешуя! — громко предупредил ученика Аунк. — Попробуй бить по глазам!

— А на лапах — когти! — крикнул в ответ Орешек, которого теснило к реке чудовище, шагавшее на трех парах лап и угрожающе поднявшее в воздух четвертую, переднюю, с широкими, как лопаты, ступнями.

Аунк уже рубился с тремя противниками одновременно. Это был красивый бой! Ловкое, тренированное тело легко уклонялось от ударов смертоносных гребней, а стремительный клинок создал между своим хозяином и хищниками непробиваемую завесу.

Гребни-топоры мельтешили, мешая друг другу, и это подсказало бойцу дерзкую мысль. Улучив момент, когда чудовища сгрудились, стараясь добраться до человека, Аунк оттолкнулся от земли и кувырком перелетел через шею крайней твари. Такой прыжок привел бы в восторг любого бродячего циркача. Глухо фыркая, две «гусеницы» ринулись на врага прямо через тело своей третьей товарки, в спешке опрокинули, повалили ее. Аунк упал на землю, чтобы избежать рубящих ударов, перекатился вплотную к третьей твари, которая еще не успела подняться, и всадил клинок в ее светло-желтое тугое брюхо. Из раны выступила густая белая жидкость. Раненая «гусеница» издала резкое предсмертное шипение, которое привело в замешательство остальных хищников. Аунк, успевший вскочить на ноги, почувствовал, что враг дрогнул, и перешел в бешеную контратаку.

Хранитель пограничной крепости

Тем временем Орешек не без успеха следовал совету учителя: ему удалось повредить «гусенице» три глаза.

Тварь злобно шипела, мотала длинной шеей, но не отступала. Однако молодой боец заметил, что удары врага становятся неточными, и рискнул на смелый маневр. Пригнувшись, Орешек скользнул вперед, прямо под угрожающе вскинутую пару лап. Вслед ему устремился гребень-топор, задел спину, разрезал куртку, но Орешек не получил ни царапины. Монстр тяжело рухнул на передние лапы, чтобы раздавить наглеца. Но Орешек и не собирался сидеть у врага под брюхом. Вывернувшись сбоку, он задом наперед вскочил на спину твари и беспорядочно, как попало, стал вонзать меч в упругую кожу. Он колот и колот, не поняв даже, какой из ударов оказался смертельным для «гусеницы».

Поняв, что тратит время на мертвого противника, Орешек спрыгнул с обмякшей твари и ринулся на помощь Аунку, который выбивал грозную щелкающую мелодию на гребнях двух оставшихся в живых монстров.

Под удвоенным напором хищники отступили к песчаному берегу. Люди не стали их преследовать, пользуясь короткой передышкой. Но и чудовища не обратились в бегство — замерев, следили они за добычей.

— Может, в реку уйдем? — предложил Орешек, не сводя глаз с «гусениц». — Я умею плавать.

— А если они тоже умеют? В воде мечом не помашешь. Твоя гадина тебя как раз к реке и теснила...

Договорить Аунк не успел. Из пещерок в склоне вынырнули еще две твари и зашпешили к полю боя. Они были гораздо мельче своих собратьев, с более короткой шеей и тупым коротким гребнем.

Люди вскинули мечи, ожидая атаки. Мелкие твари юрко заскользили вокруг, держась на безопасном расстоянии и наклонив к противнику головы с тупыми гребнями, которые, как теперь можно было разглядеть, были усеяны небольшими дырочками. Из этих дырочек ударили тонкие сильные струйки зеленой вонючей жидкости. Попадая на одежду и

Глава 1

кожу, струйки застывали, превращаясь в нити очень прочной паутины.

Аунк и Орешек яростно сдирали с себя клочья паутины, рубили их мечами. Отвращение перешло в отчаяние, когда люди поняли, что освободиться не удастся. Шустрые мелкие «гусеницы» продолжали обстрел, снуя вокруг, и вскоре люди бессильно валялись на песке, надежно спутанные по рукам и ногам.

Приободрившиеся крупные твари вскинули свои «топоры» и не спеша, трусцой двинулись к беспомощной добыче.

— Что, учитель, — непослушными губами шепнул Орешек, — нас, похоже, сейчас жрать будут?

Аунк не ответил. Кажется, он даже не услышал вопроса. Лицо его посерело, глаза стали жесткими и сосредоточенными. Негромко, но четко произнес он короткую фразу на языке, которого Орешек ни разу не слышал.

И тут Орешку стало еще страшнее. Ни черточки не изменилось в лице учителя, но парень был готов поклясться, что рядом на песке лежит не Аунк, а кто-то другой, более опасный, чем приближающиеся твари.

Аунк резко напряг мышцы, разорвал зеленую паутину и вскочил на ноги. Нет, не вскочил — взлетел, еще в полете нанеся первый удар ближайшей «гусенице». Удар был так тяжел и ужасен, что перерубил прочную шею, но и сталь не выдержала — меч переломился. Не помедлив ни мгновения, Аунк отшвырнул обломок клинка, подхватил с песка голову «гусеницы» с острым гребнем и с этим «оружием» ринулся на второго врага.

Орешек забыл о стискивающих его тенетах — настолько невероятное и захватывающее зрелище мелькало перед ним. Именно мелькало — глаз с трудом успевал следить за стремительными движениями Аунка. Орешек понял лишь, что его учитель опрокинул «гусеницу», выдрав ей при этом лапу, перевернул чудовище на спину и острым краем гребня рассек живот. Бросив издыхающего врага, он накинудся на мелких тварей и буквально размазал, растер их по песку.

Хранитель пограничной крепости

Это была не схватка, это было жестокое, беспощадное избиение, и все здесь было слишком, все чересчур: быстрота, с которой Аунк настиг жертву, мощь, с которой повалил он чудище, ярость, с которой расправлялся он с «гусеницами».

Боги положили предел человеческой силе и ловкости, но тот, кто называл себя Аунком, только что на глазах Орешка шагнул за этот предел!

Схватка закончилась молниеносно. Над Орешком склонилось неузнаваемое лицо — серое, измученное, покрытое бисеринками пота.

Человек, который только что ураганом смел стаю чудовищ, дрожащими руками поднял обломок меча и неуклюже стал резать им паутину. Не сразу удалось ему освободить руки Орешка.

— Дальше ты сам, — пробормотал Аунк и рухнул на песок.

Орешек отдирал со своего меча ключья паутины, опасно поглядывая на Аунка. На языке нетерпеливо приплясывало не меньше десятка вопросов, но парень усилием воли приказал себе заткнуться.

— Проверь пещеры! — донесся до него хриплый, затрудненный, но властный голос. Орешек негромко выругался и послушно полез по склону наверх.

Пещерки, хвала богам, оказались неглубокими, без разветвлений. Парень с отвращением обнаружил, что они были высланы осколками крупных полупереваренных костей — возможно, и человеческих...

Спустившись к реке, он увидел, что Аунк спит. Лицо учителя было таким усталым и обескровленным, что Орешек не стал его будить и со вздохом поплелся собирать валежник, чтобы сложить погребальный костер для злосчастного Коряги.

Позже, когда был отдан печальный долг погибшему, учитель и ученик сидели у воды и спорили, взять ли с собой для доказательства голову одной из тварей или хватит гребня-топора.

Глава 1

А доказательство было необходимо — на слово им вряд ли кто-нибудь поверил бы (хотя, возможно, Аунка и не осмелились бы в глаза обвинить во лжи). Ведь существа, с которыми только что шел бой, не принадлежали к Миру Людей, а были чужаками, заявившимися из загадочного Подгорного Мира. Даже Подгорные Охотники — немногочисленные лихие парни, знающие дорогу в те опасные края, — не могли похвастаться, что им известны все обитающие там твари.

Аунк пытался запихать гребень-топор в свой дорожный мешок, когда Орешек набрался смелости заговорить о последних мгновениях боя.

Голос Аунка стал суровым:

— Я открыл тебе много тайн, но эту, самую опасную, хотел приберечь до последних дней моей жизни... ты знаешь, мне осталось жить семьдесят четыре дня.

Орешек искоса бросил взгляд на осунувшееся, землисто-серое лицо учителя. Тонкая кожа так обтянула острые скулы, что, казалось, вот-вот порвется.

— Но я знаю, что ты будешь мучиться неизвестностью, ты ведь любопытен как сорока. Что ж, слушай: ты сам не знаешь, какое тайное умение носишь в себе...

Душа Орешка сладко заняла в предчувствии чего-то необычного, жутковатого, но невероятно притягательного.

— Человек — ленивое животное, — серьезно и строго продолжил Аунк. — Он понемногу пользуется тем, что дали ему боги. А я научу тебя сразу выплескивать то, что скрыто в тебе. Силу, ловкость, зоркость...

— Ты забыл про ум.

— Про твой-то ум не грех и забыть... Молчи и слушай. Прошлым летом я заставлял тебя подолгу смотреть на лезвие меча, сверкающее на солнце. Ты еще скулил: мол, голова кружится... Так вот: я вводил тебя в особое состояние между сном, бодрствованием и смертью... Молчи, я сказал! Ты этого не помнишь и помнить не можешь. В этом колдовском сне ты заучил одну фразу... нет, не ту, что сегодня услышал

Хранитель пограничной крепости

от меня. Этот набор слов у каждого свой, неповторимый. Вот эта фраза, прочти ее — только, во имя Хозяйки Зла, не вслух!

Взгляд юноши заскользил за тонкой палочкой, которая выводила на песке буквы.

— Аунк, но это же бред!

— Конечно бред! Эту фразу ты никогда не скажешь случайно. И никто не произнесет ее при тебе. К тому же бессмыслица легче запоминается. — Аунк тщательно взрыхлил палочкой песок, уничтожая надпись. — Эти слова — ключ. Они откроют в твоей душе потайную дверку и выпустят наружу демона. Ты станешь смертью. Ненадолго, ведь боги дают такие подарки лишь на краткий срок. Но за это время ты успеешь выстелить землю вокруг себя трупами. Потом тебе будет очень плохо — за все приходится расплачиваться...

Голос Аунка зазвенел, как клинок в бою:

— Ученик, заклинаю тебя Последним Костром: произноси эти страшные слова лишь тогда, когда выхода нет и смерть вот-вот догонит и прыгнет на плечи... нет, когда она уже сидит на плечах! И никогда — слышишь, никогда! — не пользуйся этим даром в честном поединке, даже если враг явно сильнее, а на кон поставлена жизнь. Иначе я тебя из Бездны прокляну.

Помолчав, учитель взвесил на руке гребень-топор и уточнил:

— Ну... во всяком случае, если твоим противником будет человек.

2

За раскрытой настежь дверью враждебно дышала ледяная темнота.

Плечистый чернобородый человек, набычившись, глядел через порог во тьму. Он не верил своим глазам. Происходящее казалось тягостным и нелепым сном. Не такой встречи он вправе был ожидать!

Глава 2

Не поднялась в замке суматоха, не забегали слуги с факелами, не придержал стремя сам Хранитель замка, чтобы помочь сойти с седла дорожному гостю, окруженному свитой.

Нет, ворота распахнулись быстро, а узкий подъемный мостик был даже заранее опущен, как будто ночной приезд не был неожиданностью. Услужливые проворные тени приняли и увели лошадей — но тихо, без радостной суеты, словно в замок стягивались заговорщики, а не пожаловал Нуртór Черная Скала, король Силурána.

И эта башня с черным проемом распахнутой настезь двери!

И этот согнувшийся в поклоне седой слуга вместо Хранителя замка!

— Где Айрўнги? — рявкнул король. — Почему не разбудили своего господина, ленивые твари? Почему не сказали ему, что прибыл государь?!

Казалось, даже голова вепря, вышитая на его камзоле, ощерилась грознее, чем обычно.

— Хозяин не спит, — очень почтительно, но без тени страха ответил слуга. — Почти каждую ночь у него бывают гости — и порой даже более могущественные, чем король... ужасные гости... — Голос слуги дрогнул. — Впрочем, мой господин готов к встрече с любым, кто прибудет в замок. Но если прибывший хочет, чтобы от его разговора с магом была польза, он должен сам войти к моему хозяину — и обязательно один!

Из-за спины опешившего короля возник статный белокурый человек в нарядном камзоле.

— Не слишком ли много чести для твоего хозяина? — насмешливо и гневно спросил он. — Ох, распустил колдун слуг, раз они в присутствии короля смеют так языком махать!

— Я говорю то, что мне приказано говорить, — спокойно поклонился старик. — И пусть государь не беспокоится о свите: о ней позаботятся...

Король хмуро и сосредоточенно размышлял, поглядывая на темный дверной проем. Створки дверей были похожи на челюсти капкана.

Хранитель пограничной крепости

Белокурый спутник короля украдкой бросил на Нуртора удивленный взгляд. Зная нрав своего повелителя, он ожидал куда более бурного развития событий. Король давно уже должен был расвирепеть и приказать, чтобы дерзкого колдуна вытащили за бороду во двор. Да и для языкастого слуги нашлось бы подходящее наказание.

А государь стоит и раздумывает — занятие не совсем привычное для любого из Вепрей, а уж для Нуртора и подавно...

— Ладно, — сказал вдруг король мирным голосом. — Попробую играть по правилам, которые предлагает этот маг. Но горе ему, если все окажется глупой комедией!

— Государь! — встревожился белокурый щеголь. — Ты не можешь пойти один в это проклятое логово!..

— Это не логово, Аудан, — отозвался король чуть потеплевшим голосом. — Это замок, где мы с тобой частенько бывали в юности.

— Тогда он был в руках благородного, честного и надежного Хранителя! — вздохнул Аудан. — Человека, смерть которого была для меня таким же горем, как и для моего государя! И мне больно думать, что в замок этот вполз подозрительный и опасный колдун, который явился неизвестно откуда и заморочил всех при дворе своим длинным грайанским языком... ничего, кстати, еще не сделав. И теперь это — логово!

— Выходит, я по глупости позволяю разным проходимцам селиться в замках, принадлежащих короне? — рявкнул, багровея, Нуртор. — Здесь кто-то смеет поучать короля?! Не забывайся, Аудан! Ты, конечно, Правая Рука, но запомни: чтобы указывать мне, сначала тебе придется спихнуть меня с трона и плюхнуться на этот трон собственную задницу!

Белокурый придворный склонил голову в знак покорности, но вообще-то принял выволочку невозмутимо: ему было не привыкать. Тяжелый нрав Нуртора Черной Скалы вошел в поговорку. И лишь один человек в Силуране мог сохранять хладнокровие рядом с разгневанным государем. Более

Глава 2

того, Аудан Гибкий Лук из Рода Риавар был единственным, кто осмеливался высказывать свое мнение и даже спорить с королем, упрямым и своенравным, как и любой Сын Клана Вепря. Воспитанный вместе с Нуртором, игравший и дравшийся с ним в детстве, Аудан мог бы, пожалуй, считаться даже другом короля, если допустить, что Нуртор вообще мог бы быть кому-нибудь другом...

Выждав, когда утихнет гневный рев, Аудан спросил вкрадчиво:

— Могу ли я хотя бы нести факел, чтобы осветить дорогу моему повелителю?

— Путь государю, — почтительно вмешался слуга, — озарит иной свет. Не жалкий факел в человеческих руках... пусть даже в руках столь достойных, — поспешил он поклониться возмущенному Аудану, — а огни, что загораются лишь для тех, кто не таит в душе страха... а отвага Вепрей известна всем!

Это были именно те слова, которые могли подтолкнуть колеблющегося короля.

— Ждите меня здесь! — властно бросил он и перешагнул черный порог.

И тут же по обе стороны длинного коридора сами собой вспыхнули свечи в высоких бронзовых шандалах.

За спиной раздалась изумленные и испуганные голоса. Свита тревожилась за государя, но никто, даже Аудан, не рискнул нарушить прямой приказ Вепря. Это означало бы подписать самому себе смертный приговор.

На миг король остановился, свирепо засопел — и решительно двинулся по коридору.

* * *

С раздражением и недоверием оглядел Нуртор сводчатый зал, освещенный лишь пламенем большого очага. По стенам, задрапированным тяжелыми тканями, ползали бесформенные тени. Кое-где из драпировок, как из засады, выглядыва-

Хранитель пограничной крепости

ли полки, с которых на короля палились траченные молью звериные чучела. На широком столе тихо светились странной формы стеклянные сосуды и тускло поблескивали непонятные железяки, похожие на орудия пыток.

Мертвые черные светильники, на цепочках спускавшиеся с потолка, походили на злобных птиц, парящих в полумраке. Нуртору хотелось взмахом руки отогнать их прочь.

Король помнил этот зал иным. Помнил веселую пляску факельных огней, стол, уставленный яствами, суетящихся слуг; помнил ленивых и ласковых собак, развалившихся под ногами гостей; голоса бродячих певцов, тонушие в хохоте и криках пирующих.

Хорошо было здесь при жизни прежнего Хранителя замка. Весело, тепло... да, именно тепло! Не пробирал вошедшего ледяной холод вдоль позвоночника, не глядели недобро узкие окна, как враждебно сощуренные глаза... огонь в очаге не напоминал о погребальном костре... не заползал во все углы странный, едкий, ни на что не похожий запах, мерзость какая-то...

Единственное, что осталось в зале от прежнего убранства, — это пышные драпировки по стенам. Но сейчас даже эти тряпки топорщились такими безобразными складками, что наводили на мысли о скрывающихся за ними убийцах и тайных согладателях.

Виновником перемен был высокий старик в темном балахоне, что стоял сейчас у очага спиной к королю и грел руки над пламенем, точно был один в комнате и вообще на свете. Седые волосы, прядями рассыпавшиеся по плечам, казались розовато-серыми в отблесках огня.

В глазах Нуртора этот старец был столь же мирным, благостным и добродушным, как клубок змей на солнцепеке.

Досада короля росла, сменяясь гневом. Как смеет этот человек — будь он хоть трижды чародей — так бесцеремонно держаться в присутствии государя Силурана, потомка Первого Вепря?

Глава 2

Еще немного — и ярость Нуртора прорвала бы плотину благоразумия. Но тут старик, словно прочитав его мысли, обернулся.

— Приветствую моего повелителя! — сказал Айрунги Журавлиный Крик радушно, хотя и без тени подобострастия. — Я рад видеть государя под этой убогой кровлей.

Короля передернуло. «Убогая кровля», надо же сказать такое! Силуран позволил этому старикашке поселиться в замке, от которого не отказался бы Мудрейший любого Клана... Впрочем, колдун, кажется, стоил того, что на него затрачено. Надо быть с ним поприветливее...

Правитель Силурана ненавидел сдерживать свои чувства. Это причиняло ему почти физическую боль. Король стиснул зубы, словно стараясь прикусить рвущуюся наружу злобу, и приблизился к очагу, в котором ровным пламенем горели куски каменного угля. Чародей не сводил с Нуртора цепких, колючих глаз, в которых извивались отблески огня.

— И пусть мне не говорят, — продолжал Айрунги бархатым голосом, — что государь прибыл ко мне за приворотным зельем. Такому мужчине не отказала бы ни одна красавица, даже если бы на его камзоле не была вышита морда вепря!

— Довольно, почтенный Айрунги! — прервал король эту дерзкую болтовню. — Никто не считает тебя деревенским знахарем, торгующим приворотными зельями. А зачем я сюда прибыл... Ты же мудрец, сам догадайся!

— Государь, мы не дети, чтобы играть в «угадки». Я спрошу огонь, он ответит...

Чародей железной лопаточкой осторожно поправил угли, чтобы пламя сделалось еще ровнее, и устремил в очаг пристальный взгляд, точно пытался разобрать полустертые знаки на старом пергаменте.

— Грайán... — произнес он медленно, пробуя это слово на вкус, как драгоценное вино. — Грайан... твои мысли там, государь, на родине твоих предков.

Хранитель пограничной крепости

— Это и белке в лесу понятно! — желчно отозвался король. — Перебери все Ветви Изгнания и найди мне такого недоумка, которому не снился бы Великий Грайан!

Внезапно в глазах короля, как тень рыбы в глубине реки, мелькнуло недоверие, голос чуть дрогнул:

— Но к чему говорить о глупых снах и бесполезных мечтах? Скоро будет три столетия, как наши предки были изгнаны за северную границу Грайана. Пора бы признать Силуран своим единственным домом — особенно мне, правителю этой страны. Боги ясно выразили свою волю, как же могут люди противиться ей?

Колдун протестующе вскинул желтую, словно пергаментную руку со следами старых ожогов.

— Это не твои речи, Вепрь! Пусть трусы и лентяи говорят о нерушимой воле богов, а великому государю такие слова не к лицу! Любой жрец подтвердит: Безымянные всегда на стороне героя, который прокладывает свой путь сквозь бури, вражьи клинки и сети подлых интриг!

— Ты говоришь об одиночках, старик. Мне же приходится думать о благе государства...

Нуртор и сам почувствовал фальшивую нотку в своих словах. Он гневно взгляделся в лицо Айрунги — не мелькнет ли в темных глазах насмешка?

Колдун твердо выдержал взор Вепря — взор, заставлявший бледнеть самых отважных воинов из королевской свиты.

— Достойные слова, господин мой! Вот и подумай о благе государства, сейчас самое время! И, во имя Безликих, сделай хоть что-нибудь!

— Да как ты смеешь!.. — рявкнул было король, но его остановил удивленный взгляд Айрунги. Не испуганный, а именно удивленный. Взяв себя в руки, Нуртор продолжил тоном ниже: — Ты дерзок, старик. Не забывай, что говоришь со своим повелителем — и с Сыном Клана Вепря!

— Государь, — ответил колдун с нотками разочарования в голосе, — ты захлопываешь дверь перед моей неучтивостью,

Глава 2

но оставь хоть щелку для моего искреннего желания помочь, для моих редких познаний, для моего опыта... — Айрунги огорченно повел узким плечом. — Впрочем, ты — король. Как прикажешь... Так тебе нужна лесть? Ты ради этого скакал в такую даль? Во дворце, видно, этого добра мало...

Нуртор почему-то почувствовал себя виноватым и из-за этого заговорил еще более раздраженным тоном:

— Что мне нужно? Мне нужно, чтобы ты вспомнил, за что Силуран платит тебе деньги. И немалые, кстати, деньги! И мне совершенно ни к чему твои кивки в сторону южной границы. Могу напомнить: во время последней войны с Грайаном, — Нуртор сглотнул ругательство, как застрявший в горле комок, — по заливку получил совсем не Грайан! Мы отдали Черную Пустошь, уступили земли вдоль реки Дикой... ладно, не жаль, земли заброшенные, люди на них почти не селятся. Война там крепко поработала, нечисть разная гуляет... А вот Яргимир, Богатый Город! Он же преспокойно перешел на сторону врага, сам открыл ворота, признал Бранлара своим королем! Яргимир, украшение моей короны! Это ли не удар?

— Удар! — серьезно и сочувственно откликнулся старец. — Но если у крестьянина град выбивает всходы — разве закатывает он глаза к небесам и произносит речи о воле Безымянных? Нет, он тяжело вздыхает и готовится к следующему посеву. Так может ли потомок Первого Вепря быть менее мудрым и стойким, чем жалкий землепашец?

— Ну, если это и есть советы, за которые я так щедро плачу...

— Мудрость не может оплачиваться слишком щедро. Но мой государь хотел говорить не об этом, верно?

— Не нужно быть колдуном, чтобы догадаться... Я приехал из-за Морских Кланов. Они вконец обнаглели — не пропускают к нам торговые суда. И я уверен, что за пиратскими рейдами, которые лишили меня четырех прекрасных кораблей, скрываются все те же хищные твари — Спрут, Акула и Альбатрос!

Хранитель пограничной крепости

— «Соленая пена», «Бурун», «Крик чайки», «Летающий», — тихо и серьезно произнес седой чародей, вновь устремив взор в огонь. И при каждом слове в груди Нуртора тупо колыхалась боль утраты.

— Ты неплохо осведомлен, почтенный Айрунги, — недобро прервал он старца. — Вижу, у тебя есть уши при дворе.

— К чему мне платить шпионам? — кротко отозвался бархатный голос. — Огонь — это книга, хранящая множество тайн, дивных и страшных. Тайны эти открываются бесплатно, сумеи лишь прочесть. Ибо сказано мудрыми: «Для тех, кто хочет видеть, боги создали свет, для тех же, кто не хочет, — мрак...» Вглядись в пламя, государь, в самую глубину его, в самую душу...

Король отшатнулся, словно огненные языки выплеснулись из очага ему в лицо.

— В самую душу? Что... что ты знаешь о Душе Пламени, старик?!

Лицо Айрунги мгновенно стало замкнутым, отстраненным.

— Государь, мы должны довольствоваться тем, что открывают нам Безымянные... или та, что имеет слишком много имен, ни одно из которых я не хочу называть. Оставь богам их тайны, не пытайся узнать больше того, что начертано пред тобой пылающими буквами... — Внезапно голос колдуна стал резким и повелительным: — Да взгляни же!

Властным движением Айрунги простер руки над очагом. В пламени зазмеилась длинная фиолетовая полоса.

— Море, — выдохнул старик.

Нуртору почудилось, будто в зале повеяло соленым ветром.

А чародей повторил плавно и протяжно:

— Мо-оре!.. Не вижу эскадр моего короля, громящих корабли Морских Кланов. Не вижу крови его врагов на волнах. Не вижу, как ликуют, встречая победителей, толпы на пристанях силуранских портов...

Глава 2

Рядом с фиолетовой полосой заплескалась еще одна, такого же цвета, но шире, ярче.

— Нет! — сурово изрек колдун. — Не будет Силурану успеха на море!

— Да ну? — с хмурой издевкой бросил Вепрь. — Вот удивил! Да ты шутник, почтенный Айрунги! «Эскадры, громящие врага»... да их просто нет! А «ликующие портовые города»... после предательства Яргимира их всего два осталось! А Грайан как раз на море особенно силен. Как ни сопротивлялись Проклятые острова, а он в прошлом году их... того... принял в отеческие объятия.

Помолчав, король добавил мрачно:

— Может, это и наша судьба? Может, Силуран когда-нибудь станет провинцией Великого Грайана? Да не допустят боги, чтобы я до этого дожил!

— Ну почему же? — усмехнулся Айрунги. — Конечно, я мог бы согласиться с тобой, государь, и напророчить Силурану ужасную участь. И ты ушел бы отсюда, преисполненный уважения к моей мудрости и прозорливости. Таковы люди: они охотнее верят мрачным предсказаниям, чем светлым... и лишь Безымянные знают, почему это так. Но я скажу тебе правду: Силуран достаточно силен для великих свершений под рукой умного и решительного правителя. И пламя... — Айрунги взгляделся в очаг и уверенно закончил: — Пламя сулит тебе надежду! Твои предки, государь, ушли из Грайана изгнанниками, а ты вернешься туда победителем!

В дымоходе коротко и зло провыл ветер.

С возрастающим страхом глядел Нуртор, как в огненной стене заметались вовсе уж невиданные языки — зеленые! От очага плыла жара, обнимала, обволакивала, кружила голову крепче наррабанского вина. Мерзкий запах усилился, стал почти невыносимым. Почудилось, что кто-то подкрадывается сзади на мягких лапах. Не выдержав, король обернулся. Звериные чучела мрачно глядели на него стеклянными глазами.

Хранитель пограничной крепости

— В огонь! — настойчиво повторил колдун. — В огонь смотри! Увидишь ступени, что ведут к высокому престолу Граяна!

— Я завоюю Граян? — хрипло переспросил Нуртор, вцепившись короткими толстыми пальцами в свою черную бороду. — Завуюю... но что же... но как же... Что я должен сделать, с чего начать?

— Начать, начать... — рассеянно пропел Айрунги, нависнув над очагом и не отводя глаз от разноцветного пламени. — Когда закончишь — узнаешь, с чего надо было начать... О, вот оно! Вот первая ступень твоей великой лестницы! Смотри, государь! Смотри! Неужели не видишь стен и башен Ваасми́ра? Вглядишься же! Вот Клыкастая башня, которую повелел воздвигнуть твой предок, Первый Вепрь!

До боли, до рези в глазах таращился Нуртор на немислимое пламя, на извивающиеся цветные полосы. В голосе чародея звенела такая уверенность, что королю и в самом деле померещилась на миг приземистая башня с двумя вытянутыми каменными «клыками», прикрывающими подъемный мост. Мелькнула — и пропала.

— Ваасмир? Широкий Город? — растерянно бормотал Нуртор. Перед глазами плыли яркие пятна, нарастал гул в ушах, страх стискивал горло, мешая дышать.

Но вместе со страхом, как всегда, пришел гнев.

Король пошире расставил свои толстые, крепкие ноги, с усилием поднял отяжелевшую голову.

— Ты спятил, старик! Вспомни, кого ты осмелился морочить!.. Там же... это... от ближайшей пристани... посчитай, сколько там дней пути!

— Кто говорит о пристанях! — Айрунги не отворачивался от огня; его худое лицо еще больше заострилось и стало хищным, как у щуки. — Я же сказал — забудь о море! Удача ждет тебя не там!

— А где? Может, я должен тащить армию напрямик, через Лунные горы? Там всего три перевала, каждый наглухо заперт крепостью — этого твой огонь не показывает? Сам

Глава 2

понимаю. Ваасмир — богатый торговый город... но сколько воинов я положу на перевалах? Или ты своими чарами перебросишь армию к Ваасмиру? Через горы, а? С обозами и осадными орудиями? Такого и Двенадцать Великих не сумели бы! Ну, что ты можешь предложить, кроме пустой болтовни?

Кроваво-красный язык пламени вырвался из камина, змей взметнулся у лица короля. Поперхнувшись, Нуртор замолчал.

— Я могу дать тебе союзников, — негромко, почти равнодушно бросил колдун.

Было в этих простых словах нечто такое, что заставило короля содрогнуться. Чтобы скрыть испуг, он отрывисто хохотнул:

— Союзников?! Во имя всех ликов Хозяйки Зла, каких еще союзников?

И тут случилось страшное. В ответ на слова короля пламя взметнулось ввысь, разлетелось клочьями, словно его размела невидимая рука... и опало, погасло. Только недобро тлели раскаленные угли.

— Спасайся! — взвыл Айрунги, без всяких церемоний ухватив короля за рукав. — Прочь отсюда! Скорее!

Он почти выволок своего гостя за дверь. Нуртор не сопротивлялся, он даже не заметил непочтительности колдуна.

Оба оказались в длинном коридоре, вдоль которого выстроился ряд высоких шандалов. Свечи все еще горели.

Айрунги захлопнул дверь и привалился к ней спиной.

— Ох, государь! Я знаю, ты не ведаешь страха... а все же не стоило там поминать Тысячеликую!

Вебрь отер лицо рукавом, шумно и тяжело продышался, пока не унялось стучащее о ребра сердце. С отвращением отбросил мысль о пережитом ужасе — и тут же вернулся к главному:

— Ты хотел что-то сказать о союзниках!

Хранитель пограничной крепости

— Я хотел? — вскинул и без того высокую бровь Айрунги. — Это ты изъявляешь такое желание, государь... О, свечка погасла!

Чародей достал из шандала огарок.

— Начал — так говори! — набычился король. — Что за союзники? Предатели у трона Джангилара? Или ты уговоришь Ксуранг заключить со мной союз?

— Спросим у огня, — с еле заметной иронией ответил колдун и сунул в руки Нуртору свечной огарок, который не успел зажечь.

Нуртор в недоумении взглянул на синевато-белый, конусообразной формы кусок воска, обезображенный наплывами. Хотел было рявкнуть на обнаглевшего старикашку... но вдруг замер, всмотрелся внимательнее...

Потеки расплавленного воска превратили свечу в подобие человеческой фигурки с крохотной головой, покатыми плечами и непомерно длинными руками.

— Это же... это... — выдохнул, не веря своим глазам, король. Он швырнул свечу на пол и брезгливо вытер руки о камзол. — Да как ты посмел предложить мне... Неужели ты решил...

— Нет, государь, — холодно отозвался чародей. — Это ты решил.

Король вцепился в плечо Айрунги, отбросил колдуна к стене. Гнев Нуртора рвался наружу, как кабан, проламывающий сквозь речные камыши.

— Чтоб я связался с нечистью? С Подгорными Людоедами?.. Конечно, ты можешь так думать, раз я спутался с тобой! Ведь знаю же я, что истинной, чистой магией владеют лишь избранные потомки Двенадцати Великих! А прочие... — Нуртор задохнулся и шепотом закончил: — Сила их — от Хозяйки Зла!

Айрунги невозмутимо глядел королю в глаза. Ничего не подтверждал. Ничего не отрицал. Просто молчал.

Нуртор ослабил хватку. Во взгляде его — небывалое дело! — мелькнуло что-то вроде мольбы.

Глава 3

— Старик, ты всегда называешь лишь свое имя. А я никогда не спрашивал о твоём происхождении... даже когда сделал тебя Хранителем этого замка... Знаешь — почему?

— Знаю, государь. — Айрунги не отводил твердого взгляда от покрасневшего лица короля. — Это позволяло тебе надеяться, что я — один из высокородных, но по какой-то причине не ношу на одежде знаки Клана.

— Верно! Но сейчас я хочу знать правду. Отвечай: откуда ты? Из Рода? Из Семейства? Или... или все же из Клана?

— Может — из Рода, — спокойно отозвался чародей. — Может — из Семейства. А может, просто раскрылась скала — и я вышел из нее...

— Просто раскрылась... Тьфу! — Нуртор потерял дар речи от подобной наглости.

— Государь, к чему тебе гадать об истоках моей силы? Главное — ты можешь использовать ее, как тебе заблагорассудится. Когда путник находит на дороге золотую монету, он не раздумывает о том, кто обронил ее — разбойник или праведник. Просто тратит золото, вот и все...

Мощным усилием воли Нуртор заставил себя успокоиться.

— Это... это слишком серьезно. Я должен все обдумать. Позже извещу тебя о своем решении.

— Как будет угодно моему повелителю, — согнулся чародей в низком поклоне.

3

Стоя меж зубцами стены, Айрунги смотрел, как удаляются король и его свита, как рвет кавалькада факелами ночной мрак. Лес притих, остро благоухали ночные травы, вдали лениво прокатился гром: к замку подступала гроза.

Айрунги усмехнулся с недобрый торжеством: даже близкая непогода не смогла задержать короля в обители черного колдовства!

Хранитель пограничной крепости

Неслышно подошел старый раб с плащом в руках. Айрунги молча отстранил плащ и стал медленно спускаться, не слушая бормотания слуги о горячем ужине и теплой постели.

Хранитель замка возвращался в сводчатый зал. Если бы король мог увидеть его сейчас, он заметил бы происшедшую в чародее перемену. Сутулая спина распрямилась, походка, оставшись неспешной, стала легче и увереннее. Айрунги выглядел куда моложе, чем ползвона назад.

Чтобы сократить путь, он пошел по открытой галерее вдоль стены. Меж столбами, поддерживающими деревянную кровлю галереи, протянулись ажурные решетки. Лунный свет, пробиваясь сквозь пелену туч, свивал металлическое кружево в легкую, изящную паутину. Но Айрунги знал, что красоту решеток в полной мере оценить можно было лишь днем, когда железные полосы сплетались в необычные рисунки. Взгляд выхватывал из хаоса изогнутых линий то лисью морду, то голову лося с широкими рогами, то коршуна, снижающегося над зайцем. В каждой решетке было «спрятано» несколько картинок, которые глаз воспринимал отдельно. Айрунги давно разобрался в сути фокуса. Плоские железные ленты соединялись друг с другом под разными углами. Человек, проходя по галерее, видел одну картинку, через несколько шагов — другую, третью... Это было чудо, которое могли сотворить лишь ремесленники Джангáша — столицы Силурана. И лишь очень богатые люди могли украсить этим чудом свой дом.

Еще недавно Айрунги, проходя галереей, испытывал прилив восторга. Все, что говорило о власти и богатстве, тешило его гордость победителя, захватчика: ведь ему, человеку низкого происхождения, все в этой жизни приходилось брать с боем — только не оружием, а хитростью. Замок был самым крупным куском, какой ему пока довелось откусить.

Глава 3

Увы, подобные чувства волновали его недолго. Уж таким уродился Айрунги: полученное быстро теряло для него цену. Его интересовало лишь то, до чего он еще не дотянулся...

От сосредоточенных раздумий Хранитель замка отвлекся лишь на миг — когда услышал возню и писк в темном углу. Он подумал, что завтра надо приготовить яд для грызунов, и легкая улыбка скользнула по его губам. Радость, осветившая лицо, не имела никакого отношения к травле крыс. Просто Айрунги любил возиться с разными порошками и жидкостями — смешивать, растирать, сжигать, растворять, улавливать газ в стеклянные сосуды...

Она была опасна, эта дивная игра, лучшая из игр, придуманных людьми назло богам. Айрунги расплачивался за нее пятнами ожогов на коже, расплачивался сильнейшими отравлениями, которые чуть не унесли его в Бездну, расплачивался болью в легких, опаленных каким-то газом, которому он даже не дал названия, потому что так и не сумел получить вторично.

Но игра стоила того! Стоила риска, сил, времени, здоровья! Она давала Айрунги возможность хотя бы по крохам утолить неумемное любопытство, отчаянное желание сунуть свой острый нос во все секреты Безликих. Почему они устроили мир именно так, а не иначе? И как, собственно, они его устроили? А главное (это уже шепотом, про себя, меж двумя ударами сердца) — можно ли этот мир изменить?

Получая из одних веществ другие, Айрунги чувствовал себя всесильным творцом... чувствовал себя магом — хотя бы на этот краткий срок!..

Войдя через маленькую дверцу в коридор, где недавно он поставил короля перед ужасным выбором, Айрунги замедлил шаг, задувая свечи и вспоминая все подробности удачного вечера. Пожалуй, он немного затянул время, когда не сразу приветствовал короля. Он мог разъярить Вепря... впрочем, ничего: полезно дать почувствовать свою силу и независимость.

Хранитель пограничной крепости

Но все же две ошибки он допустил. И главная из них — глупая оговорка, случайное упоминание о Душе Пламени. Нуртор этого не забудет.

А может быть, это даже к лучшему? Не воспользоваться ли фразой, случайно слетевшей с языка? Рискнуть... внушить королю, что он, Айрунги, знает не меньше, чем великий Шадридаг Небесный Путь, равных которому среди потомков Двенадцати Магов не было и нет?..

Ни в коем случае! Это слишком опасно! Нуртор станет требовать от него великих магических свершений...

Глупо, между прочим! Если бы Айрунги подчинил себе Душу Пламени, он бы не торчал в захолустном замке, а восседал на троне Силурана — для начала. А Нуртора Черную Скалу назначил бы сотником дворцовой гвардии — самое подходящее место для храброго идиота...

Сводчатый зал встретил своего господина душевной тишиной и полумраком. В очаге тлели угли. Айрунги разбросал их ударами лопатки. Открылся узкогорлый железный сосуд, потемневший от огня. Айрунги нагнулся, рассматривая следы медного припоя на горлышке.

Вот она, вторая серьезная промашка! Вот где могли провалиться в Бездну все планы! Медь плавилась медленнее, чем он ожидал. Газ, рожденный из смеси мела с уксусом, не сразу смог сорвать крышку и погасить огонь. Пришлось тянуть время, незаметно сыпать в очаг соль, поташ, гашеную известь и прочие вещества, меняющие цвет пламени... Зато как повезло, что король помянул Хозяйку Зла именно в тот момент, когда крышка сорвалась! И со свечой получилось отлично — не зря Айрунги все утро возился с огарком, поливал со всех сторон воском, чтобы достичь нужного впечатления.

Смешно! Потомок Первого Вепря, в чьих жилах течет кровь великих магов, дрожит от страха при виде грошového фокуса!

Усмешка мелькнула на тонких губах Айрунги — и умерла. С коротким стоном отчаяния он швырнул железную лопатку прямо в очаг, на угли.

Глава 3

Король прав! Магией владеют лишь потомки Двенадцати, да и то немногие!

Когда-то Айрунги с жадной надеждой собирал по крупичкам все, что можно было узнать о загадочных и страшных Ночных Магах. Откуда их сила, от Хозяйки Зла? Да он не раздумывая заключил бы договор с Серой Старухой, посулил бы ей что угодно... пусть бы душа его дотла сгорела в Бездне и никогда больше не возродилась в человеческом теле...

Увы, таинственные Ночные Маги, как правило, оказывались незаконными отпрысками кого-нибудь из высокородных. Значит, им тоже давала волшебную силу кровь Двенадцати...

От недавнего довольства собой не осталось и следа. Во рту появился мерзкий привкус — вроде полыни или желчи. Как знал он этот вкус позора, вкус унижения! Шарлатан! Можно умело морочить простаков, можно добиться славы, богатства... но как заставить самого себя забыть про детство в повозке бродячих циркачей?

Был балаганным шутом, шутком и остался! Только рискует головой... Самому противно, к каким жалким трюкам приходится прибегать! Даже волосы обесцвечивает, чтобы выглядеть седым старцем — для солидности... А ведь ему лишь тридцать два года!

Если он сделает неверный шаг и сорвется со своего каната, с каким презрением отшатнутся от него люди! «Проходи-мец, потянувшийся за золотом и властью!» — вот что скажут о нем. Ну да, золото, ну конечно, власть, кто же от этого откажется? Но как выскажешь им всем главное, то, что пронзительно, мучительно поет в душе, не дает забыться в уюте и довольстве...

Зависть! Проклятая зависть! И к кому — страшно вымолвить...

Протянув руку, Айрунги пошарил на полке с рукописями. За стопкой фолиантов, переплетенных в кожу и дерево, притаился свернутый в трубку лист плотной серой бумаги.

Хранитель пограничной крепости

В темноте, которую лишь слегка рассеивали тлеющие угли, нельзя было прочесть ни буквы, но Айрунги и без того помнил каждую из них. Крупные, аккуратно выведенные знаки для тех, кто учится читать. Много таких листов продается по дешевке на ярмарках — отрывки из летописи, составленной великим историком и законоводителем по имени Санфир Ясная Память из Клана Лебеда.

Сколько раз приходилось Айрунги срываться с места, бежать, бросив все имущество, в том числе и бесценные древние манускрипты. А с этим грошовым свитком не расставался в самых опасных передрыгах.

Первое, что он прочел в своей жизни. Чудесная история, ударившая в сердце, навсегда покорившая мысли, воспламенившая воображение.

И сейчас, бережно поглаживая кончиками пальцев шероховатую бумагу, Айрунги повторял наизусть слова древней легенды. Перед глазами его оживала страна, которая не была еще Великим Грайаном, вообще не была страной — так, каша из мелких владений, где каждый глава Рода считал себя правителем, где не прекращались междоусобные войны, где бойцы не знали, кого они убивают и за что погибают. Пылали деревни, мычали угоняемые стада, стонали в огне поля, с которых некому было снять урожай. Люди уходили в леса и жили там, как дикие звери.

И брели по горному ущелью, спасаясь от погони, те, кому Айрунги завидовал до пожара в сердце: двенадцать оборванных, измученных, голодных воинов из разбитого отряда.

Айрунги самозабвенно шептал:

«Край, что зовется сейчас Лунными горами, укрыл беглецов. И нашли они среди скал источник, что цветом воды и запахом не походил на прочие источники. Сказал один из воинов: «Нельзя пить эту воду, это грозит нам смертью». Но другой ответил: «Все грозит нам смертью, и замучила нас жажда». И пили они воду, все двенадцать, и объял их сон, и дважды восходила над ними луна, и дважды — солнце, а они

Глава 3

все спали, и не было на земле сна, подобного этому, и не будет впредь без воли Безымянных богов.

И видел первый из воинов, что стал он могучим драконом. Крылья его подобны были грозovým тучам, и мог он, пав с небес на лесную поляну, подхватить и разорвать лося.

Второй во сне был лебедем и навсегда запомнил красоту своего отражения в осенней воде, темной и неподвижной, усеянной звездами золотых листьев.

Третий рыскал под луной в волчьем обличье, и откликалась стая на зов его.

Четвертый могучим вопреку ломился сквозь чашу, и все живое уступало ему дорогу.

Пятый желтоглазой рысью, беспощадной тенью охотился в листве деревьев, и точен был его прыжок, и неумолимы были когти.

Рев шестого заставлял лесные дебри содрогаться, ибо был он медведем, и сила бугрилась мышцами под шкурой его.

Когда в третий раз встало над ущельем солнце, проснулись все двенадцать и заговорили о снах своих. Тот, кто был драконом, хотел рассказать о полете, но перебили его те, кто был соколом, орлом, альбатросом и вороном, ибо помнили и они, что такое ветер под крылом и земля далеко внизу.

Говорили все, кроме двоих, глядевших друг на друга так, словно они впервые встретились.

Наконец молвил один из них: «Я узнал тебя! Ты был спрутом, большим, как корабль! Своими щупальцами ты раздавил в щепки рыбачью лодку!»

И услышал он в ответ: «И я узнал тебя! Огромной акулой кружил ты вокруг той лодки, вокруг рыбаков, что цеплялись за обломки!»

«Тише!» — заглушил всех окрик Медведя. И вслушались они, и познали голос гор, голос камней. И поняли, что оставаться у источника нельзя, ибо должны рухнуть утесы и сомкнуться ущелье...»

Айрунги тщательно скатал свиток. Он не мог заставить себя читать дальше. Это было слишком больно.